

STIEGLITZ
ACADEMY

**АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН
КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН:
ПРОБЛЕМЫ, ПОДХОДЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ**
МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

Санкт-Петербург
2022

ISBN 978-5-6048310-4-5

9 785604 831045

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ АКАДЕМИЯ
имени А. Л. Штиглица**

**АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН
КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН:
ПРОБЛЕМЫ, ПОДХОДЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

10 июня 2022

Сборник научных статей

Санкт-Петербург
2022

УДК 82

ББК 80

А46

Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица».

Рецензенты:

М. М. Мазняк, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета

Н. А. Павлова, кандидат искусствоведения, профессор кафедры графического дизайна Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А. Л. Штиглица

А46

Александр Сергеевич Пушкин как культурный феномен: проблемы, подходы, интерпретации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (10 июня 2022 г.): сб. науч. ст. / ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица»; ред. : С. В. Балаева, Е. В. Мухина — Санкт-Петербург : СПГХПА им. А. Л. Штиглица, 2022. — 77 с. : ил.

ISBN 978-5-6048310-4-5

Сборник содержит материалы Всероссийской научно-практической конференции «Александр Сергеевич Пушкин как культурный феномен: проблемы, подходы, интерпретации», в которых представлены результаты исследований ученых, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений Российской Федерации, посвященные различным аспектам изучения наследия Александра Сергеевича Пушкина. Сборник рассчитан на научных сотрудников, работников промышленности, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений.

ISBN 978-5-6048310-4-5

© Коллектив авторов, 2022

© ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Алпатъева Н. В.

О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

А. С. ПУШКИНА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК 5

Архипова И. В.

ЗАГАДКА ПУШКИНА — СИМВОЛА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ 13

Балаева С. В.

А. С. ПУШКИН И ДЖ. ЛЕОПАРДИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПУТЯХ

РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРЫ 20

Варфаламеева Т. В.

«НОВОЕ О ПУШКИНЕ»: ДОРОЖНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И
КАБИНЕТНЫЕ ЗАМЕТКИ И. Л. ЩЕГЛОВА-ЛЕОНТЬЕВА ОБ

А. С. ПУШКИНЕ 27

Гаврилова Л. И.

А. С. ПУШКИН В КУЛЬТУРЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ
ВОЛНЫ В ИТАЛИИ 35

Прошкина Е. В.

ЦВЕТ И ПЕЙЗАЖ КАК СРЕДСТВА РАЗВИТИЯ СЮЖЕТА И

СОЗДАНИЯ ОБРАЗА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. С. ПУШКИНА 40

Раввина Ю. С.

ОДА «НАПОЛЕОН» А. С. ПУШКИНА И ПОЭМА «НАПОЛЕОН

В КРЕМЛЕ» Ж. С. МЕНДЕША ЛЕАЛА. ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ ... 51

Телегина Е. А.

НЕОЦЕНИМЫЙ ВКЛАД А. С. ПУШКИНА В РАЗВИТИЕ РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА 62

Хаменок М. А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АССАМБЛЯЖА СТУДЕНТАМИ-

ДИЗАЙНЕРАМИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА

НА ЗАНЯТИЯХ АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ В РАМКАХ

КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА 70

CONTENT

<i>Alpateva N. V.</i> ON SOME DIFFICULTIES OF TRANSLATING A. PUSHKIN'S <i>EUGENE ONEGIN</i> INTO ENGLISH	5
<i>Arkhipova I. V.</i> THE MYSTERY OF PUSHKIN, A SYMBOL OF RUSSIAN CULTURE	13
<i>Balaeva S. V.</i> ALEXANDER PUSHKIN AND GIACOMO LEOPARDI: REFLECTIONS ON THE WAYS OF LITERATURE DEVELOPMENT	20
<i>Varfalameeva T. V.</i> "THE NEW ABOUT PUSHKIN": ROAD IMPRESSIONS AND DESK NOTES BY I. L. SHCHEGLOV-LEONTIEV ABOUT A. S. PUSHKIN	27
<i>Gavrilova L. I.</i> A. S. PUSHKIN IN THE CULTURE OF RUSSIAN FIRST-WAVE ÉMIGRÉS IN ITALY	35
<i>Proshkina E. V.</i> COLOR AND LANDSCAPE AS A MEANS OF PLOT DEVELOPMENT AND IMAGE CREATION IN THE WORKS OF ALEXANDER PUSHKIN ...	40
<i>Ravvina I. S.</i> THE ODE <i>NAPOLEON</i> BY A. PUSHKIN AND THE POEM <i>NAPOLEON IN THE KREMLIN</i> BY J. S. MENDES LEAL. A COMPARATIVE ESSAY	51
<i>Telegina E. A.</i> A. S. PUSHKIN'S INVALUABLE CONTRIBUTION TO THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE DEVELOPMENT	62
<i>Khamenok M. A.</i> ASSEMBLAGE BY STUDENTS OF DESIGN IN EFL CLASSES ON A. S. PUSHKIN WITHIN THE COMPETENCE-BASED APPROACH	70

ОДА «НАПОЛЕОН» А. С. ПУШКИНА И ПОЭМА «НАПОЛЕОН В КРЕМЛЕ» Ж. С. МЕНДЕША ЛЕАЛА. ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Основанием для сопоставления оды А. С. Пушкина «Наполеон» и поэмы португальского поэта Ж. С. Мендеша Леала «Наполеон в Кремле» послужило обращение авторов к одной и той же исторической личности в рамках эстетики романтизма. Компаративный анализ двух произведений на идейно-тематическом, сюжетно-композиционном и стилистическом уровнях позволяет говорить о заочной полемике вокруг фигуры Наполеона Бонапарта, выражающейся в противоположных авторских оценках при общем сходстве принципов изображения.

Ключевые слова: Пушкин, Мендеш Леал, Наполеон, романтизм, Португалия

I. S. Ravvina

**THE ODE “NAPOLEON” BY A. PUSHKIN AND THE POEM
“NAPOLEON IN THE KREMLIN” BY J. S. MENDES LEAL.
A COMPARATIVE ESSAY**

The attempt to compare “Napoleon” by Alexander Pushkin and “Napoleon in the Kremlin” by José da Silva Mendes Leal is justified by the fact that both authors addressed the same historical character within aesthetics of romanticism. An examination of the two poems through the lens of literary analysis allows us to suggest an indirect polemical dispute around the figure of Napoleon Bonaparte that manifests itself in the author’s opposing assessments with all the similarity of representational principles.

Keywords: Pushkin, Mendes Leal, Napoleon, romanticism, Portugal

Наполеон Бонапарт явился одной из ключевых фигур конца XVIII – начала XIX вв., оставив большой след в истории и культуре. Воспоминания современников о нем были полны противоречий, и в не меньшей степени неоднозначно восприятие его потомками. Его образ до такой степени подвергся мифологизации и столь часто воспроизводится в искусстве, что бывает трудно разграничить Наполеона-историческое лицо, сыгравшее определенную роль на мировой арене, и Наполеона-символическую фигуру, художественный образ. В этом состоит культурологический феномен личности Наполеона, до сих пор являющийся предметом философского осмысления, что нашло отражение в литературе девятнадцатого и последующих веков. Нам представляется небезынтересным сравнить два поэтических обращения к фигуре Наполеона, выдержанных в эстетике романтизма, но возникших с большим временным интервалом в разные

эпохи и в разных странах — оду Александра Сергеевича Пушкина «Наполеон» и поэму португальского поэта Жозе да Силва Мендеша Леала «Наполеон в Кремле».

Ода «Наполеон» была написана А. С. Пушкиным в Южной ссылке в 1821 г. Поводом для ее создания стало известие о смерти Бонапарта на острове Святой Елены. До этого поэт уже не раз обращался к фигуре Наполеона, однако ода разительно отличается от более ранних произведений. В стихотворениях лицейской поры («Воспоминания в Царском селе» — 1814 г., «Наполеон на Эльбе» — 1815 г., «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году» — 1815 г.) образ Наполеона у Пушкина однозначен: он — злодей, антипод справедливого царя-освободителя Александра I, в то время как в оде 1821 г. Наполеон описывается с нескрываемой авторской симпатией, проявляющейся с самых первых строк: «Чудесный жребий совершился:/ Угас великий человек». Преступления Наполеона оказываются искуплены «тоскою душного изгнания». На момент написания оды поэт сам находился в ссылке, поэтому такое сочувствие неудивительно. Более того, как известно, на годы Южной ссылки пришелся романтический период творчества А.С. Пушкина — по мнению большинства исследователей, именно влиянием романтизма с его культом сильной личности обусловлено изменение отношения поэта к Бонапарту [2, с. 52]. Принято говорить о том, что в искусстве романтизма произошли складывание и популяризация *наполеоновской легенды* [3, с. 315]. Наполеон, бросающий вызов всему миру и погибающий в этой борьбе, виделся романтикам живым воплощением идеального героя, «архетипом романтического характера» [4, с. 24]. Одой «Наполеон» Пушкин отдал дань фигуре Бонапарта в рамках романтической традиции.

Мендеш Леал — португальский литератор, публицист, политический деятель и дипломат, снискавший литературную славу прежде всего, как драматург, создатель исторической и современной драмы в португальском театре. Его литературная деятельность пришлась на вторую половину XIX в. На протяжении всего своего творческого пути Мендеш Леал оставался верен романтической традиции, принадлежал ко второму поколению португальских романтиков [7]. Исследователи отмечают в его творчестве значительное влияние Ламартина, Беранже и Гюго, которых Мендеш Леал много переводил [8]. Этот факт представляется особенно важным для нашего исследования, поскольку Ламартин, Беранже и Гюго известны как одни из главных создателей *наполеоновской легенды*. Сам Мендеш Леал обратился к фигуре Бонапарта в 1865 г., написав поэму «Наполеон в Кремле». Это произведение не получило широкой известности и до сих пор не становилось объектом пристального внимания исследователей.

Поэме предпослано посвящение Антониу Фелисиану де Каштилью, крупному португальскому поэту середины XIX в., а также эпитафия —

латинское крылатое выражение «Sic fata voluerunt» («Так было угодно судьбе»). Текст поэмы состоит из шести не равных по объему частей. Первая часть представляет собой подробное, полное красочных метафор описание укрепленного, готового к обороне Кремля. Вторая часть — портрет Наполеона, уже вошедшего в Москву. С высоты Боровицкого холма, на котором расположен древний Кремль, Бонапарт в задумчивости осматривает покоренную столицу. Третью часть поэмы составляет монолог французского императора. В этой полной пафоса речи перед читателем проносится практически вся история наполеоновских военных кампаний. Четвертая, самая короткая часть поэмы рисует Наполеона любящим отцом: грозный завоеватель рассматривает миниатюру с изображением сына и погружается в сладостные воспоминания о доме. Пятая часть — еще один монолог, на этот раз обращенный к сыну. Наконец, в шестой части на первый план вновь выходит город, Кремль, который охвачен огнем. В финале поэмы автор очень сжато и иносказательно описывает отступление французской армии и пребывание Бонапарта на острове Святой Елены.

Объем произведения составляет более 300 стихотворных строк, что значительно превышает объем пушкинской оды, состоящей из 15 строф по 8 строк каждая. Поэма Мендеша Леала отличается также большим ритмическим разнообразием: ее части написаны разными размерами с разными типами рифмовки, причем ритмическая организация стиха может меняться и в пределах одной части. Ода Пушкина целиком написана излюбленным размером поэта — четырехстопным ямбом. Рифмовка — перекрестная с чередованием женской и мужской рифм.

Разная жанровая природа произведений выражается в различном характере поэтического текста. Как и положено поэме как лиро-эпическому жанру, текст Мендеша Леала обладает ярко выраженным повествовательным началом, полноценным сюжетом с экспозицией (описание Кремля), развитием действия (подменено внутренним действием — монологи Наполеона), кульминацией (пожар Кремля) и развязкой (изгнание Наполеона). Произведение Пушкина этой нарративности лишено в силу своей принадлежности к лирическому жанру оды. Ткань пушкинского стихотворения составляет рефлексия лирического героя над судьбой и образом Наполеона.

Однако несмотря на неравный объем и разную жанровую природу текстов, по охвату событий два произведения близки. Хоть поэма Мендеша Леала и названа «Наполеон в Кремле», автор отнюдь не ограничивается описанием русского похода Великой армии: в поэме упоминаются битвы при Арколе, Риволи и Лоди в ходе Первой Итальянской кампании Наполеона, предпринятой им в Войне первой коалиции, битва при Маренго, относящаяся ко Второй Итальянской кампании и Войне второй коалиции, Египетский поход, завоевание государств Европы, противостояние с Англией, изгнание.

В оде Пушкина нашли отражение приход Наполеона к власти и конец Великой французской революции, завоевание Европы, Тильзитский мир, русский поход, пожар Москвы, бегство французской армии. Таким образом, в обоих произведениях обрисован весь путь Наполеона от первых триумфов до смерти.

Наполеон Бонапарт, несомненно, является центральным образом и оды, и поэмы. Пушкин пишет о Наполеоне то в третьем лице, то обращаясь к нему напрямую. В поэме Мендеша Леала две части представляют собой монологи Наполеона, то есть повествование от первого лица, а в остальных о Наполеоне говорится в третьем лице. При этом в обоих произведениях Бонапарт представлен в трех тесно связанных ипостасях: как человек, как полководец, как исторический деятель.

1. Наполеон как человек

Две доминанты личности Наполеона по Пушкину — жажда власти и гордыня, выражающаяся в вере в собственную исключительность: «В свое погибельное счастье/ Ты дерзкой веровал душой,/ Тебя пленяло самовластье/ Разочарованной красой». Эти черты определяют действия Наполеона и порождают постоянное стремление к новым свершениям, определенную ненасытность, неумение остановиться: «Тильзит надменного героя/ Последней славою венчал,/ Но скучный мир, но хлад покоя/ Счастливица душу волновал». Однако в результате иллюзией оказывается и власть, поскольку она приобретена «среди рабов», и идея, показанная Пушкиным как своеобразное помешательство: «Надменный, кто тебя подвигнул?/ Кто обуял твой дивный ум?». Наполеон «не угадал» свою судьбу: на самом деле ему были предначертаны поражение и смерть в изгнании. На предопределенность такого исхода поэт указывает в самых первых строчках оды: «Чудесный жребий совершился:/ Угас великий человек». Ближе к концу стихотворения возникает третья и единственная не развенчанная личностная черта Наполеона — любовь к сыну, которая оказывается важнее всего остального: «Забыв войну, потомство, трон,/ Один, один о милом сыне/ В унынье горьком думал он». В финале оды завещанием содержащегося в заключении Наполеона оказывается... свобода: «И миру вечную свободу/ Из мрака ссылки завещал». Исключительность судьбы, сверхчеловеческое начало, брошенный всему миру вызов, предопределенность гибели и стремление к абсолютной свободе — все это черты романтического героя, каким и предстает Наполеон в оде Пушкина.

Наполеон Мендеша Леала — тоже в полном смысле романтический герой, тоже гордец, одержимый мессианской идеей своего предназначения. «Quiz Deus tornar-me o Génesis,/ Que em breve ha de acender/ Nos homens novo espirito,/ Nas eras novo ser» («Бог захотел сделать меня Гenezисом,/ Что

вскоре должен зажечь/ В людях новый дух,/ В веках новое бытие»²), — заявляет герой, а чуть ниже и вовсе провозглашает себя «наследником апостолов». Как и у Пушкина, Наполеон из поэмы Мендеша Леала постоянно жаждет новых побед: даже овладев древней русской столицей, он «силой и величием еще не удовлетворен». Далее автор дает Бонапарту такую характеристику: «Paz não tem; lei não quer; vai, vai; não conta os sóes;/ E se instantes parou, quando a fortuna o prova,/ É para meditar alguma audacia nova...» («Мира не имеет, закона не хочет, идет, идет, не считает солнц,/ А если на миг остановится, когда судьба его проверяет,/ Так это он безрассудство новое замышляет»). Но главной страстью Наполеона у Мендеша Леала, как и в оде Пушкина, оказывается любовь к сыну. Четвертая и пятая части поэмы целиком посвящены теме Наполеона-отца. От мыслей о своей очередной великой победе Бонапарт Мендеша Леала обращается к мыслям о семье: «Encontrára no seio a leve miniatura,/ Que o filho, o filho tenro, ao vivo lhe figura, / E n'elle o amor, a esposa, o lar./ Humanou-se o colosso» («Он нашел на груди легкую миниатюру,/ Что, как живого, изображает его сына, милого сына,/ А с ним любовь, супругу, домашний очаг./ Стал человеком колосс»). Наполеон обращает к сыну пламенный монолог, в котором объясняет, что строит «вселенскую империю», лишь чтобы завещать ее наследнику. Только эта мечта оказывается «сном», «пробуждением» от которого становится пожар Москвы. Падение Наполеона было роковой неизбежностью — на это Мендеш Леал указывает уже в эпиграфе поэмы: «Sic fata voluerunt» («Так было угодно судьбе»), что перекликается с началом пушкинской оды: «Чудесный жребий совершился». Точно так же перекликаются концовки произведений. В финале поэмы Мендеша Леала возникает та же, что у Пушкина, оппозиция свободы и неволи, но португальский поэт оказывается пессимистичнее: у Пушкина узник завещает миру свободу, у Мендеша Леала свободно лишь море вокруг острова Святой Елены, для человека свобода недостижима. «O mar, espelho azul da immensidade,/ Cantico eterno á eterna liberdade!» («Море, голубое зеркало необъятности,/ Вечная песнь вечной свободе!») — этими строками завершается поэма.

2. Наполеон как полководец

В обоих произведениях Наполеон представлен великим воином. Пушкин называет его «баловнем побед», Мендеш Леал — наследником Атиллы и Карла Великого, сам себя Наполеон — герой поэмы именуется древним Аяксом и Цезарем, заявляя, что завоевания Александра Великого были лишь «прологом» к его славному пути. Вся ода Пушкина пронизана мыслью о сверхъестественной, необыкновенной природе военного гения Наполеона, невероятности его карьеры: «чудесный жребий», «чудный удел»,

2 Здесь и далее перевод наш. — Ю.Р.

«воинственные чудеса». Мендеш Леал также неоднократно подчеркивает беспрецедентность наполеоновских свершений. В третьей части поэмы его Наполеон вспоминает египетский поход и заявляет: «N'essa, de assombros pródiga, / Maior assombro eu fui» («*В этой [земле], щедрой на чудеса,/ Главным чудом был я*»). Атрибутом и даже метафорой побед Бонапарта для обоих поэтов является штандарт Великой армии — имперский орел. «Давно ль орлы твои летали/ Над обесславленной землей?» — у Пушкина, «Levantam-se-lhe aos pés, velando, as aguias suas,/ As aguias triumphaes, as aguias d'Austerlitz» («*Поднимаются к его ногам его бодрствующие орлы,/ Триумфальные орлы, орлы Аустерлица*»), — у Мендеша Леала. Роковую тактическую ошибку Наполеона, которая привела к его поражению, поэты тоже видят одинаково. «Как сердца русских не постигнул/ Ты с высоты отважных дум?/ Великодушного пожара/ Не предузнав, уж ты мечтал,/ Что мира вновь мы ждем, как дара;/ Но поздно русских разгадал...», — Наполеон Пушкина недооценил противника, слишком рано счел войну выигранной. Пожар для него становится неожиданностью. То же показано в поэме Мендеша Леала: войдя в Москву, Наполеон упивается своим триумфом, погружается в мысли сперва о своих победах, затем о сыне и попросту не замечает того, что происходит вокруг: «Nada d'isto ja vê; taes são seus pensamentos,/ Tam alta a mente foi, tam fundo é seu scismar» («*Ничего из этого уже не видит. Таковы его мысли,/ Так высок его разум, так глубоко его раздумье*»). Падение Наполеона оба поэта показывают кратко, опуская и последовавшее за пожаром Москвы бегство из России, и пребывание Наполеона на Эльбе, и его возвращение на Францию, и знаменитые 100 дней правления, и поражение при Ватерлоо. Если Пушкин затрагивает отступление Великой армии («Бежат Европы ополченья...»), то Мендеш Леал вовсе описывает последние 9 лет жизни Наполеона (1812–1821) одной строчкой: «O incendio, occaso! Os gellos, um sudario!» («*Пожар, закат! Льды, саван!*»).

3. Наполеон как исторический деятель

В оде Пушкина весь путь Бонапарта представлен как попрание свободы человечества, что, на первый взгляд, несколько противоречит завещанию вечной свободы в финале, общему патетическому тону и самому выбору жанра оды. По замечанию О. С. Муравьевой, это произведение «удивительно тем, что в сущности однозначно отрицательная оценка исторической роли и деяний Наполеона сочетается с романтически-восторженной его характеристикой» [1, с. 11]. Противоречие это подчеркивается многочисленными оксюморонами: «блистательный позор», «в величии постыдном», «зло воинственных чудес» и т.д. *Развенчанная тень* Наполеона не заслуживает *безумного укора*, поскольку он уже искупил свою вину. Но и искупивший вину преступник остается преступником. В интерпретации Пушкина Бонапарт приходит к власти, задушив

нарождавшуюся в хаосе Великой французской революции свободу: «И обновленного народа/ Ты буйность юную смирил,/ Новорожденная свобода,/ Вдруг онемев, лишилась сил». Наполеон для поэта — разрушительная сила, несущая народам рабство: «Давно ль орлы твои летали/ Над обесславленной землей?/ Давно ли царства упали/ При громах силы роковой;/ Послушны воле своенравной,/ Бедой шумели знамена,/ И налагал ярем державный/ Ты на земные племена?». Соответственно, пожар Москвы есть торжество свободного народа, не пожелавшего стать рабом: «Россия, бранная царица,/ Воспомни древние права!/ Померкни, солнце Австерлица!/ Пылай, великая Москва!». Поверженный Наполеон видит над собой «длань народной Немезиды» — богини возмездия. Его ссылка — «проклятие племен», расплата за все содеянное.

Совсем иную оценку исторической роли Бонапарта мы встречаем в поэме Мендеша Леала. Наполеон для него — фигура созидательная, творец государств: «“Surgi” ordeno, e surgem-me,/ Quaes os desejo, impérios» («*“Появитесь”, — приказываю, и появляются,/ Какие я захочу, империи*»). Под властью Бонапарта народы становятся сильнее и в едином порыве стремятся к новым победам. Вот и русским французский император дарует долгожданную свободу: «Moscow, teu solo as máculas/ D'escravo teve; arague-as» («*Москва, твоя земля в пятнах/ Рабства была; сотри их*»). Пожар Москвы представлен в поэме как торжество зла, триумф смерти, страшное преступление, пусть и внушенное русским любовью к родине. Описывая изгнание Наполеона, Мендеш Леал, как и Пушкин, прибегает к античной мифологии, но выбирает совсем другой образ. В судьбе Бонапарта португальский поэт видит миф о Прометее. Подобно Прометею, давшему людям огонь и другие блага и прикованному за это к скале, Наполеон «прикован» к острову Святой Елены за то, что дал человечеству свободу: «Como o padião do Prometheu antigo,/ Um rochedo surgir, que o mar circumda» («*Как пьедестал древнего Прометейя,/ Поднимается скала, которую окружает море*»). Мендеш Леал объясняет крах Наполеона карой богов за благодеяния человечеству, а Пушкин — мстью человечества за преступления против него.

Сходятся поэты в одном: Наполеон Бонапарт вершил судьбы мира. «Хвала! Он русскому народу/ Высокий жребий указал», — знаменитые пушкинские строки. Ту же роль Бонапарту отводит Мендеш Леал: «A Historia escreverá: “chamava-se o Destino!”/ Á voz dos seus canhoens troou: “Napoleão!”» («*История напишет: “Звался он Провидением!”/ Голосами своих пушек он гремел: “Наполеон!”*»).

При сравнении двух произведений нельзя не учитывать различную историческую дистанцию: в поэме Мендеша Леала «Наполеон в Кремле» описываются события полувековой давности, свидетелем которых автор не был, в то время как ода «Наполеон» написана поэтом-современником

Бонапарта. Дело в том, что, когда в 1821 г. умер Наполеон, а Пушкин создал свою оду, Мендеш Леал еще только родился.

Русское общество 1820-х и португальское общество 1860-х гг. представляют собой две совершенно разные культурные среды. В нашей стране начало 1820-х гг. характеризовалось распространением вольнодумских настроений, появлением тайных обществ. Широко известно, что в это время Пушкин всерьез увлекается революционными идеями, поэтому конец Великой французской революции и возвращение монархии он видит как трагедию, виновник которой — Наполеон [1, с. 10]. Мендеш Леал пишет свою поэму в стране, уставшей от бесконечных государственных переворотов: 1860-е гг. стали для Португалии временем относительного политического спокойствия, которое наступило после растянувшихся практически на всю первую половину XIX в. гражданских войн. О политических взглядах самого автора мы можем судить по тому, что он состоял в поэтическом обществе *Philomatica*, члены которого были монархистами [5, р. 492]. В своей поэме Мендеш Леал никак не затрагивает приход Наполеона к власти, но можно предположить, что поэт восхищался Бонапартом как человеком, который смог одолеть революционную бурю и установить в стране порядок. Необходимо также принять во внимание русофобские настроения, возникшие в Европе вследствие усиления России после победы над Наполеоном. С 1830-х годов антирусские настроения распространились в Англии, с которой у Португалии были очень тесные связи. Правление Николая I, прозванного жандармом Европы, и Крымская война лишь ухудшили отношения между Российской империей и западноевропейскими странами. В своей поэме Мендеш Леал величает русских не иначе как грубыми скифами и варварами, не скрывая враждебного отношения.

Восприятие наполеоновской эпохи в России 1820-х и Португалии 1860-х тоже было разным. Для нашей страны Отечественная война 1812 г. стала временем подъема народного самосознания, временем единения всех слоев общества во имя победы над общим врагом – Бонапартом. В начале 1820-х гг. память о той войне была еще очень свежа: и 10 лет не прошло с момента триумфального вступления русской армии в Париж. Даже когда восторг одержанной победы сменился разочарованием политикой Александра I, 1812 год продолжал служить предметом национальной гордости, а Наполеон в сознании широких масс оставался антихристом и супостатом.

Иная ситуация сложилась в Португалии, которая трижды подвергалась вторжениям французской армии: в 1807, 1809 и 1810 гг. Все три интервенции возглавлялись не лично Наполеоном, а его генералами. В ходе первого французского вторжения пал Лиссабон, португальская армия была расформирована, а королевская семья спешно бежала в Бразилию, что стало

большим ударом для национальной гордости. Однако недовольство населения не возымело характера народной войны. Справиться с захватчиками помогли высадившиеся в Португалии английские войска. В 1809 и 1810 гг. наполеоновская армия предприняла еще две попытки вторжения, но оба раза была вынуждена покинуть территорию страны, встретив сопротивление объединенных британско-португальских сил. Несмотря на то что на государственном уровне Португалия никогда не была союзницей наполеоновской Франции, еще в 1807 г. лучшие подразделения португальской армии перешли на службу к Наполеону. В составе Великой армии Португальский Легион участвовал в Австрийской, Прусской, Польской и Русской кампаниях. Бились португальцы и на Бородинском поле. Французские командующие и лично Наполеон не раз отмечали отвагу португальских солдат, которых на родине объявили изменниками. Противоречивость участия Португалии в наполеоновских войнах (героизм Португальского Легиона в составе Великой армии с одной стороны и не озаменованное особыми подвигами сопротивление французам с другой) создала почву для неоднозначного восприятия тех событий и фигуры Наполеона в частности [6, р. 17–45]. Мендеш Леал о борьбе Португалии с французскими интервентами умалчивает, предпочитая воспевать тех португальцев, что служили под началом Бонапарта. В уста Наполеона поэт вкладывает следующие слова: «Conduzo unânimes,/ Mais fortes cada vez,/ Germanos, frankos, ítalos,/ O proprio portuguez;/ O portuguez, que intrépido/ Sabe ir, honrando os lares,/ Descortinar o incógnito/ Vencendo terra e mares!» («*Веду единомушных/ И набирающих силу/ Германцев, франков, итальянцев/ и самих португальцев;/ Португальцев, что отважно/ Умеют, чтя богов, / Открывать неизведанное,/ Побеждая земли и моря!*»). Такое выделение португальцев относительно других народов, составлявших Великую армию, представляется исторически необоснованным и вызванным лишь патриотическими чувствами поэта, однако оно отражает распространенную, по-видимому, в португальском обществе тех лет точку зрения на Наполеона как на союзника.

Сравнение образов Наполеона в оде Пушкина и в поэме Мендеша Леала позволяет выделить целый ряд подчас дословных совпадений и целый ряд фактически антонимичных характеристик. Сходство принципов изображения проявляется в использовании обоими авторами присущих романтизму эпитетов, мотивов исключительной судьбы, противостояния миру, обреченности на гибель, вечной свободы, в общем восторженном тоне и явной авторской симпатии. При этом оценка исторической роли Бонапарта у двух поэтов диаметрально противоположна: для Мендеша Леала Наполеон – герой, а для Пушкина – злодей. При сравнении двух произведений раскрывается феномен двойственности восприятия Наполеона: к созданию художественного образа Наполеона Пушкин и Мендеш Леал подходят

с позиций эстетики романтизма и потому оказываются близки, но отношение к Наполеону как к реальному историческому лицу у двух поэтов глубоко различается в силу различной социокультурной среды и исторического контекста.

Автор выражает благодарность кандидату филологических наук Родосскому Андрею Владимировичу, кандидату филологических наук Николаевой Елене Станиславовне, кандидату филологических наук старшему преподавателю СПбГУ Мазняк Марии Михайловне.

Литература

1. Муравьева О. С. Пушкин и Наполеон: (Пушкинский вариант «наполеоновской легенды») // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. Т. 14. С. 5–32. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/ise/ise-0053.htm?cmd=p> (дата обращения 23.03.2022).

2. Реизов Б. Г. Пушкин и Наполеон // Русская литература, 1966. №4. С. 49–58. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/RusLiteratura/Pushkin/Reizov-RL-1966-4.pdf> (дата обращения 23.03.2022).

3. Таньшина Н.П. «Наполеоновская легенда» как часть официальной идеологии Июльской монархии // Французский ежегодник. 2019. С. 313–329.

4. Тертерян И. А. Романтизм: [Литературы Западной Европы первой половины XIX в.] // История всемирной литературы: В 8 т. М.: Наука, 1989. Т.6. С. 16–27.

5. Braga J. T. F. História do romantismo em Portugal. Lisboa: Nova Livraria internacional, 1880. 528 p. URL: <https://archive.org/details/historiadoroman02braggoog/page/n6/mode/2up> (дата обращения 04.04.2022).

6. História de Portugal // Sob a direção de J. Mattoso. Círculo de leitores, 1993. 712 p.

7. Mendes Leal // Projeto Vercial URL: <http://alfarrabio.di.uminho.pt/vercial/mleal.htm> (дата обращения 06.04.2022).

8. Rebello da Silva L. A. Mendes Leal – poeta lyrico da geração nova // Revista peninsular. Lisboa: Typographia de Castro & Irmão, 1856. V. 2. P. 433–452. URL: <https://books.google.ru/books?id=JVYoAQAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения 15.04.2022).

Сведения об авторе:

Раввина Юлия Станиславовна, Санкт-Петербургский государственный университет, бакалавриат, 3 курс, кафедра романской филологии, iuliaravvina@mail.ru

Сведения о научном руководителе:

Мазняк Мария Михайловна, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат филологических наук, старший преподаватель, mmmazniak@mail.ru

About the author:

Ravvina Iuliia Stanislavovna, St. Petersburg State University, 3rd-year BA student, Romance Studies Department, iuliaravvina@mail.ru

About the supervisor:

Mazniak Maria Mikhailovna, St. Petersburg State University, PhD in Philology, Senior Lecturer, mmmazniak@mail.ru